

Алена Новикова

ЛУЧШИЕ ГОДЫ
АЛЕКСА МЕЛЬНИКОВА

Мое самое позорное воспоминание, не считая экзамена по макроэкономике — это диван в нашей старой квартире и три «Ерша» подряд. Я лежал, накрывшись твоим пальто. Я не помню, чтобы я плакал, хотя Артем говорит, именно так оно и было.

Десять лет назад Артем делал самые лучшие «Ерши» в Москве. Все дело в том, что он покупает «Смирнов». Паша и я покупаем «Царскую» — покупали, еще когда мы все втроем были студентами. На бутылке обязательно был Пётр Первый. Обычно мне хватало одного «Ерша». Паше — двух.

Голос в записи сообщает, что станция «Академическая» закрыта для входа и выхода пассажиров.

Бирка твоего пальто кололась, и я вырвал ее с нитками. Наверное, одна эта бирка стоила больше, чем моя зимняя куртка. Ты всегда говоришь, что любишь дорогие вещи.

Ты всегда говорила — мы не разговаривали с тобой три года.

— Молодой человек, вы выходите?

Я открываю глаза, вижу блестящий берет на уровне своего плеча и испытываю редкое удовлетворение человека со средним российским ростом в метр семьдесят сантиметров.

— Нет. Я не выхожу.

Ты везде приезжаешь на машине, которую отец подарил тебе на восемнадцатилетие. Это «Крайслер», и ты так и не научилась его водить. Может быть, поэтому ты никогда не приходишь вовремя.

— С прохода отойдите.

Блестящий берет толкает меня в плечо и скрывается за дверями, к которыми прислоняться запрещено, хотя иногда очень хочется. Я делаю шаг, чтобы выйти вслед за ней, и передумываю как раз вовремя, чтобы заскочить обратно в вагон. Вообще-то я еду до

«Калужской», как и всякий раз, когда автобус слишком долго не приходит.

Ты собралась, пока я был на репетиции с группой. Ты всегда продумывала такие вещи заранее. Я вернулся в тот момент, когда водитель такси помогал тебе снести по лестнице чемодан. На тебе было пальто, бирка которого на следующий день колола мне щеку.

— Привет, Алекс, — сказала ты.

Ты курила сигарету с фильтром в пятой за год попытке постепенно бросить, предательски приветливая.

Александра обманчивая.

Я выхожу на платформу «Калужской», нащупывая зажигалку в кармане. Я медлю, и в очереди у эскалатора мужчина с огромным тубусом в руках наступает мне на ногу.

Ты опаздывала на самолет до Сан-Франциско. Я хотел скорее попасть внутрь. Моя гитара была убрана в старый чехол, настолько тонкий, что от холода могли лопнуть струны.

Плакаты над эскалатором поздравляют пассажиров с Рождеством Христовым, хотя на улице начало апреля.

Ты уехала через полчаса, оставив прищемленное дверью пальто. Оно все еще висело там, когда Паша появился в прихожей с красными, блестящими от пота щеками и аптечным пакетом, набитым успокоительными таблетками и сардинами в масле. Сардины должны были следовать за «Ершами», но даже смотреть на них было тошно. Они лежали рядами, серебристые и глянцевые — кажется, открытая банка так и простояла до сентября, пока моя мать, приехав без предупреждения, не взялась размораживать холодильник.

Я смотрю себе под ноги, на едущие вперед ступени с желтой полосой. Я хочу спать. В правом кармане моего пальто лежит пачка «Парламента» с одной единственной сигаретой внутри. Сегодня с утра, как раз перед тем, как спуститься в метро, я получил апперкот от кассира в магазине напротив станции.

— Есть голубой «Парламент»?

Кассир смотрела телевизор у меня над головой. В магазинах у метро почему-то до сих пор висят телевизоры.

— За этим в Америку, — сказала она. — У нас в парламенте все нормальной ориентации.

— Это сигареты, — сказал я. — «Парламент». За сто пятьдесят два рубля.

— У нас нет «Парламента».

Она приподняла чехол на стенде с сигаретами и увеличила громкость телевизора. Мое слюноотделение активизировалось ровно настолько, чтобы его можно было назвать повышенным.

— Тогда «Мальборо». Золотые.

На экране телевизора люди выстраивались в очередь, чтобы подойти к гробу Чака Берри. Мне нужно было быть в офисе через сорок минут.

— У меня карта.

— Вы читать умеете?

Объявление над прилавком было обведено маркером неоновой желтого оттенка.

Отпуск табачной продукции производится только за наличный расчет.

В моем бумажнике не было ни одной купюры. Мелочи не было тоже, и я решил бросить курить прямо там, в сетевом супермаркете у метро «Беляево».

Мне никогда не хватает решительности. Это сказал Артем.

Я выхожу из метро и закурываю последнюю сигарету прямо в переходе. На улице начинается дождь. Мне нужно быть в офисе через двадцать минут.

Я прикрываю голову папкой с анкетой, которую должен был сдать еще в пятницу. Левая рука остается свободной, как раз для того, чтобы поднести сигарету ко рту. Пока я затягиваюсь на ходу и дождь льется за шиворот моего японского плаща, автобус захлопывает двери и отходит от остановки.

Мне нужно быть в офисе через восемнадцать минут и тридцать четыре секунды.

Левая рука — как раз та, в которой я держу первую на сегодня и последнюю из пачки сигарету — сама тянется вздохнуть мне волосы. Это моя нервная привычка.

Даже поступающий в организм никотин не убирает малопривычное ощущение легкой паники.

Табло над остановкой гарантирует пассажирам новый автобус через двадцать семь минут.

Я вызываю «Убер», дважды промахиваясь мимо приложения, и обещаю себе уволиться на этой же неделе.

У машины, которая приезжает за мной, панорамная крыша.

— Интересно, — говорю я. — Крыша — это интересно придумано.

— Крыша входит в стоимость поездки, — говорит водитель.

Я откидываюсь на сидении и смотрю на верхние этажи домов по улице Обручева. Я думаю о том, что забыл пронумеровать страницы в анкете, а еще о том, что у меня уже три месяца не было секса.

Мне нужно закрыть в бухгалтерии больничный за февраль. Я не успеваю на утреннее совещание, которое начнется через десять минут.

— Мы можем как-то объехать пробку?

— Час-пик.

Я закрываю глаза и обдумываю свои перспективы.

Иногда я жалею о том, что вообще получил должность младшего менеджера по исследованиям.

Иногда происходит с регулярностью в три-четыре дня.

Моя мать назвала совершеннейшим идиотизмом мою надежду зарабатывать деньги музыкой. Самое смешное то, что в конечном счете она оказалась права.

Или самое грустное — в зависимости от того, как на это смотреть.

Десять лет назад я действительно думал, что смогу стать Сашей Васильевым, но реальность в виде института Сорокина и квартирной платы с тех пор убедила меня в обратном.

Водитель стучит по экрану счетчика, и я открываю глаза. Десятиминутная поездка обходится мне в семьсот двадцать три рубля пятьдесят копеек.

— Это за десять минут? — говорю я. — Семьсот?

— Час-пик, — говорит водитель.

Я расплачиваюсь картой, выхожу из машины и чувствую неприятный холод, начинающийся в районе задней стороны бедра. Мои брюки мокрые до самых колен. Должно быть, панорамное окно было закрыто не до конца, и я просто не заметил, насколько мокрым было заднее сидение.

Тверская область тоже была мокрой и грязной, потому что дождь шел все три дня «Нашествия» в тот год, когда мы познакомились. Я целовал тебя под «Агату Кристи», и под «Сплин» на следующий день тоже. Через неделю должен был пройти мой вступительный экзамен. Может быть, если бы не Саша Васильев и не ты, я бы написал его лучше, и мне никогда бы не пришлось сидеть в

бухгалтерии института Сорокина, где пахнет кофе и триста шестьдесят пять дней в году отопление выкручено до упора.

— Вы больны? — спрашивает женщина, сидящая от меня через стол.

Я не помню, как ее зовут, хотя и должен, потому что пять лет назад именно она принимала меня на работу.

— Я не болен.

Ее фигура в синтетическом свитере похожа на зиккурат, каждый ярус которого обтянут кислотно-розовой тканью.

— У Вас температура? — спрашивает она. — Почему Вы не снимете пальто?

Я смотрю, как ярусы зиккурата движутся, когда она подшивает мою справку в архив.

— Мне немного, — говорю я, — немного нехорошо.

Мои ладони мокрые от пота, и я вытираю их о брюки, которые никак не могут высохнуть под пальто.

— Вы были у доктора? — спрашивает зиккурат. — Больничный лист закрыт?

— Закрыт. В феврале.

Она приоткрывает рот, стуча указательным пальцем по клавиатуре.

— Выглядите бледным. Может, это кишечный грипп?

Я вижу, как ее глаза за бифокальными стеклами изучают мои мокрые волосы.

— У меня нет, — говорю я, — кишечного гриппа. Я просто бледный.

Она смотрит в справку, которую только что проколола дыроколом сразу в двух местах.

— Знаете, Александр... Александр Витальевич, — ее палец оставливается на строке с датой моего рождения. — Пятьдесят два процента молодых людей, погибших безвременно, скончались именно от алкогольной зависимости.

Я расстегиваю воротник пальто и представляю свою безвременную кончину. Мне почему-то сложно вообразить смерть младшего менеджера института имени Питирима Сорокина трагической или по крайней мере не лишенной драматизма. Звезда рок-н-ролла должна умереть под колесами «Икаруса» или выпасть из окна девятого этажа. Мне придется довольствоваться разрывом аорты или сахарным диабетом.

Зиккурат стучит карандашом по столу, и я вспоминаю, что опаздываю на совещание уже на четырнадцать минут с четвертью.

— Я не выпиваю, — говорю я. — Только по пятницам.

— Смотрите, — говорит зиккурат. — У нас в бухгалтерии уже появились некоторые сомнения относительно вашего морального облика.

Она ставит печать и закрывает папку с архивом, движением руки приглашая меня на выход.

— Спасибо, — говорю я. — Я смотрю.

Все время, пока я иду к своему рабочему месту, надеясь, что мокрых брюк не видно из-под пальто, мне одинаково сильно хочется умереть и закурить новую сигарету. Еще мне хочется глоток или два артемовского «Ерша».

Он не делает коктейли с тех пор, как женился и переехал в Царицыно.

Лично мне всегда казалось, что в Царицыно после восьми вечера могут выйти на улицу только люди со стальными нервами.

Хотя, может, это яйца у них стальные.

Я снимаю пальто, вешаю его на крючок и прохожу к своему столу. Мой отдел все еще на совещании — кусает ручки, лохматит волосы и вычисляет маркерами на отполированной доске, как за месяц продать среднестатистической покупательнице четыре набора восковых полосок вместо трех.

Ты говорила, что восковые полоски похожи на орудие испанской инквизиции.

Хотя, может, инквизиция была французской. Они убили Жанну д'Арк.

Я решаю, что ни на какое совещание не пойду. Если я не стану врываться в переговорную, извиняясь за опоздание и опрокидывая стулья, есть шанс, что мое отсутствие останется незамеченным.

Пока мой компьютер включается, я думаю о твоих ногах. Страницы анкеты, которую я должен был сдать еще в пятницу, слегка мятые от дождя и ветра, и я придавливаю их стационарным телефоном. Считается, что условия работы в институте Сорокина лучше средних по рынку, потому что у каждого из нас есть компьютер и личный стационарный телефон. Мой номер внутри института 14-75, и Раппопорт, мой непосредственный начальник, звонит по нему так часто, что соответствующие кнопки на его собственном

аппарате, наверное, давно стерлись до неузнаваемости. Иногда мне кажется, что он выскочит из этого аппарата, когда я собираюсь домой на тридцать минут пораньше или с рабочего компьютера захожу в ютуб. Учитывая размеры Раппопорта, это просто игра моего воображения.

Я ввожу пароль, восхищающийся своей примитивностью, и запускаю браузер.

В офисе нет никого из моего отдела, я закрываю окно, из которого дует даже в августе, и включаю компьютер.

Клавиши моей клавиатуры липкие, потому что неделю назад с похмелья пролил на них растворимый кофе с двумя ложками сахара.

Пока экран загорается, я думаю о Брендоне Ури.

Когда я учился в университете, «Panic! At The Disco» слушали даже в Нижнем Новгороде, где вообще ничего не слушают.

Брендон Ури не пьет кофе с двумя ложками сахара. У него не болит голова, и кофе не бывает таким отвратительным, чтобы можно было не класть сахар.

Мой компьютер загружается целую вечность, потому что программное обеспечение последний раз обновлялось в две тысячи пятом году.

Первый альбом Брендона Ури вышел тогда же.

Я никогда не играл на фестивале в Рединге, но мы с ним все равно можем считаться коллегами. Наша аудитория — меня, Артема и Паши — в среднем в сто раз меньше, чем у Брендона Ури. С другой стороны, я подозреваю, что он никогда не учился в университете.

На экране компьютера наконец отображается рабочий стол. Сегодня Раппопорт должен был посмотреть мой доклад об отношении граждан к законопроекту об иностранных агентах, а я до сих пор не подготовил презентацию.

В районе спины, мокрой от слишком долгого сидения в пальто, по-прежнему предательски тянет.

Я запускаю «Microsoft PowerPoint» и представляю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я никогда не пошел в университет.

Женщина из экономического отдела, сидящая через четыре ряда столов от меня, включает медицинскую передачу, посвященную паразитам кишечника.

Я бы каждый день спал до полудня, носил бы свою куртку «AllSaints» вместо брюк с белой рубашкой и все еще жил бы с тобой. Может быть, мы бы даже поженились.

Экран мигает, и Windows сообщает об автоматическом обновлении.

Фестиваля в Рединге в моей жизни, может, и не было бы, но мы с Пашей и Артемом вполне могли бы играть на «Нашествии».

Я сворачиваю «PowerPoint» и вбиваю имя Брендона Ури в поисковик. Он перестал красить глаза и похудел с последнего раза, как я видел его фотографии.

В параллельной жизни я бы тоже носил темные очки в помещении и наконец купил бы «Gibson Les Paul Studio», который стоит больше арендной платы, которую я вношу за месяц.

Я поднимаю голову и вижу, что вентилятор на потолке впервые за пять лет запустили.

Если бы я в самом деле стал музыкантом вместо младшего менеджера по исследованиям, ты бы никогда меня не бросила.

Я закатываю рукава рубашки и поднимаюсь повыше на стуле. Вентилятор громыкает и рубит воздух с определенной ритмичностью.

Брендон Ури улыбается мне с экрана компьютера, одетый в белый смокинг. Он никогда не плакал, лежа на диване и накрывшись твоим серым пальто, не готовил «Ерша» и не знает, что «Смирнов» нужно вливать в холодный «Туборг» и пить стоя, пока еще можешь стоять.

Я закрываю вкладку с его самодовольным лицом, и клавиша мыши трещит под моим указательным пальцем.

Самыми распространенными признаками наличия в организме кишечных паразитов являются зуд и повышенное чувство голода.

Раппопорт отправлял мне на почту материалы, которые хотел бы видеть в моей презентации, но я почему-то не могу их найти.

Курить хочется так сильно, что я выдвигаю ящик стола и тщетно осматриваю его на предмет завалявшейся сигареты.

Часы на экране показывают десять часов пятьдесят пять минут. Я не могу уйти домой раньше шести.

Плохая концентрация внимания и депрессия могут быть симптомами гельминтоза.

Может быть, я болен и даже не подозреваю об этом.

Мой почтовый ящик переполнен рекламными предложениями туроператоров и доставки продуктов. Я перехожу по одной из вкладок и проверяю, можно ли заказать пачку «Мальборо» прямо к институту Сорокина.

Где-то на этаже хлопает дверь, и в коридоре раздается отчетливый голос Раппопорта. Раппопорт в иерархии института Сорокина выше меня на две ступени. В обычной жизни он ниже сантиметров на десять и тяжелее килограмм на девяносто.

Я снова открываю пустой шаблон презентации и постукиваю пальцами по краю стола. Письма от Раппопорта нет во «Входящих», и в спаме его нет тоже. Эта мысль едва ли обнадеживает, потому что в письме были статистические данные, которые в интернете не найти. Кажется, им даже была присвоена какая-то секретность, хотя, наверное, я только льщу себе этим предположением.

Я открываю первый слайд и бодро ввожу собственное имя в правый нижний угол. Спокойно, Алекс. Все под контролем.

Доктор на экране компьютера через четыре ряда от меня повествует об органах фиксации ленточных червей.

— Вы не могли бы сделать потише?

Женщина за компьютером оборачивается на мой голос. Мы встречаемся глазами, и она обиженно фыркает и подкручивает громкость динамика.

У нее прическа совсем как у тебя, с густой, падающей на глаза челкой.

Из переговорной начинают возвращаться люди, и жужжание включающихся компьютеров заглушает голос Раппопорта и передачу о паразитах.

Я в очередной раз за день запрещаю себе вспоминать тебя и открываю галерею стоковых картинок. Я работаю в институте Сорокина уже седьмой год. Что мне эта презентация.

Проходит десять минут, а может, сорок, и у моего стола наконец появляется сам Раппопорт. Он потеет, на его желтоватой от старости рубашки проступают темные пятна.

— Работаете?

Я в полной безопасности, посторонние вкладки на экране давно закрыты. Вообще-то приближение Раппопорта всегда можно предугадать по скрипу линолеума под его внушительным весом. Кроме того, я почти разобрался с этой несчастной презентацией.

«Как всегда», — вот что мне хочется сказать.

Вместо это я говорю:

— М-м...

Просто великолепно.

Раппопорт встает за моим креслом и склоняется, разглядывая экран.

— На совещании вас не было. — Я воздерживаюсь от комментариев, и он продолжает, выставив указательный палец вперед: — Это файл, который вы должны были доработать и показать мне в начале марта?

— Доработал, — говорю я. — Осталось два слайда.

Я ничего не говорю про сроки.

Раппопорт тяжело дышит над моим плечом, я чувствую запах его пота и зубной пасты.

— Давайте-ка ко мне. Нет, лучше в переговорную, пока Гусько на месте.

Гусько — начальник самого Раппопорта. Я не то чтобы жажду показывать ему презентацию, особенно учитывая, что ее содержательная ценность стремится к нулю. Я не в том положении, чтобы выбирать.

Раппопорт стоит за моей спиной, пока я ищу флешку в ящике стола и переносу на нее презентацию. Последний слайд не окончен, и дизайн оставляет желать лучшего. Закрывая вкладки, я жалею, что так и не нашел раппопортовского письма и что в свое время вообще согласился работать в институте Сорокина.

Нервозность говорит о систематическом заражении организма гельминтами.

Я даю себе обещание сдать анализы при первой же возможности, пока иду за Раппопортом в переговорную.

Лопастни вентилятора начинают вращаться в обратную сторону, когда он закрывает за мной дверь.

У окна спиной ко мне стоит человек в сером костюме. У него рост десятилетнего ребенка и намечающийся горб.

— Здравствуйте, — говорю я.

Это должен быть Гусько, стоящий на предпоследней ступени в карьерной лестнице института. Раньше я видел его только на вечеринке сотрудников прошлой зимой, когда был слишком пьяным, чтобы устанавливать полезные знакомства.

Может быть, именно поэтому за шесть лет я так и не удостоился повышения.

Не то чтобы меня так это волновало. Я ведь никогда не хотел заниматься социологическими исследованиями.

Гусько оборачивается и кивает. Он похож на полковника милиции из телесериала, популярного во времена моей юности. Я разглядываю его лицо и неожиданно вспоминаю нашу последнюю встречу.

Лучше бы я этого не делал, конечно.

Тогда в декабре на вечеринку он пришел с женой, которая едва доставала ему до плеча, и мне хватило ума обсудить это с системным администратором. Кажется, я ужасно шутил про «Властелина колец» и даже назвал их карликами. Я только потом увидел, что Гусько стоял в двух шагах от меня.

Сейчас по выражению его лица очевидно, что он меня помнит тоже.

— Это вы, — говорит он. — Главный поклонник Толкина во всем институте.

Он улыбается, но мне от этого становится только хуже. Я вставляю флешку в системный блок и дважды промахиваюсь мимо гнезда. С этого места лица Гусько мне не видно, но я спиной чувствую его взгляд.

— Мы как раз только что это обсуждали, — говорит Раппопорт. — Реестр иностранных агентов.

— Очень интересно.

Я открываю презентацию и встаю поровнее.

— На полный экран, пожалуйста, — говорит Гусько. — Алексей?

— Александр. Александр Витальевич.

Они с Раппопортом обмениваются взглядами.

— Очень хорошо.

Его усы желтые от табака. Я бы мог предложить ему сигарету, выйти с ним вместе на ступени института и не возвращаться в переговорную, где Раппопорт по-собачьи дышит и хрюкает и где моя бездарная презентация открыта на весь экран.

— Начинайте, пожалуйста, Александр Витальевич.

Я не люблю вспоминать о том, что было дальше. Я вышел из переговорной через двадцать минут — максимум полчаса, но чувствовал себя постаревшим лет на десять.

— Где данные «Левада-центра»? — спрашивал Раппопорт. — Я отправлял их вам на почту.

Гусько улыбался, глядя на экран.

— Это стоковое изображение?

Мне хотелось исчезнуть, не оставив никаких следов своего существования в институте Сорокина.

— Это граждане, выступающие против законопроекта.

Я почему-то даже говорил чужим голосом — наверное, слишком долго сидел у окна, которые здесь даже зимой открывают настежь. Мне вообще было не слишком-то уютно с Гусько, стоявшим перед самым моим носом, и с этой позорной презентацией на проекторе.

— Иллюстративный материал? Занятно.

Лучше бы он перестал улыбаться.

— Это последний раз, когда вы получаете такой проект, — сказал Раппопорт, когда за Гусько наконец закрылась дверь. — Может быть, это вообще ваш последний проект в институте Сорокина.

Я был бы только рад услышать эти слова, если бы не необходимость вносить квартирную плату.

— Я исправлю, — говорю я. — К концу недели.

— Это в ваших интересах, — говорит Раппопорт.

Он уходит, оставив меня наедине с ключами от переговорной и самодеструктивными мыслями. Я обдумываю возможность повеситься на дверной ручке, пока вожусь с замком. На мне нет галстука, и ремня нет тоже.

Я возвращаюсь к своему компьютеру и сижу, уставившись в экран. Мне по-прежнему ужасно хочется курить.

Отпуск табачной продукции производится только за наличный расчет.

Жаль, что у меня нет с собой наличных. По правде говоря, на карте денег у меня тоже не слишком много.

Я разглядываю заставку рабочего стола и обдумываю, что же такого я сделал в жизни, почему в конечном итоге оказался младшим менеджером по исследованиям в институте Сорокина.

Может быть, мне стоило лучше учиться в школе.

Или сдержать обещание, данное Паше в пятнадцать лет, и никогда не заниматься ничем, кроме музыки.

Это была бы плохая идея. Я бы и года не протянул, учитывая, сколько сейчас зарабатывают музыканты.

От мысли о том, что я оказался здесь по собственной воле, мне делается совсем уж плохо. Я швыряю флешку с презентацией в ящик стола и встаю с места. Займусь этим как-нибудь потом, когда буду чувствовать себя лучше и когда щелканье клавиш прекратит действовать мне на нервы.

У лифта я встречаю своего знакомого системного администратора. Он одет в свитер с горлом, держит в руке пачку сигарет и очень рад меня видеть.

— По одной? — говорит он.

У него «Уинстон» с ментолом, которые я в обычной ситуации даже за деньги курить не стал бы, но сейчас мне не из чего выбирать.

На улице идет мелкий дождь, и без пальто довольно прохладно, но у меня нет никакого желания за ним возвращаться. Сигарета, которую системный администратор мне заботливо зажигает, отвратительная именно настолько, насколько я ожидал.

— Спасибо. — Я выпускаю дым и смотрю, как он медленно растворяется в холодном воздухе. — Ну — как ты?

Он держит сигарету большим и указательным пальцами, делает затяжку.

— Да так как-то... Понемногу.

Мне хочется дать ему в нос за подобную информативность и за то, как он выдыхает дым мне в лицо.

Как жаль, что я слишком хорошо для этого воспитан.

— Ты плохо выглядишь, — говорит он.

Действительно жаль.

— Grand merci.

— Да ладно. Случилось что-то?

Я пересказываю ему историю с презентацией, пока докуриваю первую сигарету. Он сочувственно кивает и даже хлопает меня по плечу, когда я снова тянусь к пачке «Уинстона».

— Бывает. Прорвемся, а?

— Прорвемся, — соглашаюсь я.

Вообще-то мне не хочется никуда прорываться. Больше всего на свете я мечтаю оказаться дома, лечь на диван, не раздеваясь, и слушать Джонни Холлидея.

Системный администратор улыбается мне и даже не подозревает об этом. Я ничего ему не говорю. Он дал мне сигарету, и мне не хочется его расстраивать.

— Как Анна? — говорю я вместо этого.

Анна работает в юридическом отделе и встречается с системным администратором по меньшей мере два года. Эти отношения всегда казались мне странными. Глядя на нее в постели, я бы непременно вспоминал институт Сорокина, что едва ли способствует возбуждению.

— Отлично, все просто отлично.

Он снова кладет руку мне на плечо и смотрит прямо в глаза. У него лихорадка на верхней губе.

— Знаешь, мы пожениться решили. В июне, но тебя не зову, гостей совсем мало будет.

Он говорит быстро и тихо, будто бы извиняясь. Я не то чтобы оскорблен, но отчего-то чувствую себя еще хуже прежнего.

— Поздравляю, — говорю я вслух. — Это великолепно — свадьба.

Он пожимает плечами, тушит окурок ботинком, и я отчего-то вспоминаю, что раньше мы ходили на двойные свидания: он и Анна, я и ты. Он тогда носил идиотскую шляпу без полей, а я еще помнил, как его зовут. Кажется, мы все вместе ездили за город на твоей машине, а потом слишком много пили. Ты курила супертонкие сигареты и поворачивала руль одной рукой. Ты ему не понравилась.

— Тебе плохо, что ли? — спрашивает системный администратор. — Бледный какой-то.

Я возвращаюсь к его бородатой роже и слякоти на ступеньках института. Догоревшая сигарета жжет мои пальцы.

— Да, — говорю я. — Мне плохо — от твоих сигарет, наверное.

Когда я возвращаюсь наверх, мой отдел уже сидит на местах, и в офисе становится еще шумнее. Я снова включаю компьютер и ввожу твое имя в поисковой строке. От мысли о том, что мы с тобой тоже могли бы жениться в июне, меня в самом деле начинает тошнить.

Если я буду продолжать фантазировать в таком же ключе, то действительно повешусь на дверной ручке.

Слякоть с моих ботинок натекает на и без того грязный линолеум.

Поисковая машина выдает мне сотню твоих фотографий, и я сортирую их по дате. Последние две мне незнакомы, и я приближаю их, рассматривая твою новую стрижку. Ты почти не изменилась с нашей последней встречи и улыбаешься, не глядя в камеру. Твоя

карьера идет в гору, раз твои фотографии теперь публикуют на новостных порталах.

Я перехожу по ссылке и говорю старшему менеджеру отдела, что перешлю ему материалы по фокус-группе сейчас же.

По правде говоря, я понятия не имею, о каких материалах он говорит. Я слишком занят тобой, чтобы думать.

Страница загружается, и на экране появляется другая фотография. Ты причесана так же, и на тебе тот же укороченный плащ с поднятым воротником. Ты держишь за руку парня, лицо которого кажется мне знакомым. Твое имя в заголовке статьи идет после его имени.

Я откидываюсь на спинку стула, уставившись в экран. Такое ощущение, что кто-то ударил меня кулаком в живот. Я вспоминаю, что видел этого парня в военной драме, получившей первый приз на каком-то дурацком фестивале. Он еще снимается в фантастических фильмах, от которых дети сейчас с ума сходят, и зарабатывает кучу денег. Ты заглядываешь ему в лицо и улыбаешься, как будто выиграла миллион долларов.

Я смотрю на ваши фотографии и пытаюсь восстановить дыхание.

Если уж на то пошло, то из вас двоих сорвал банк именно он.

Ты держишь два бумажных стакана с кофе, пока он открывает припаркованный автомобиль.

В моей машине ты всегда ездить отказывалась, потому что я вожу на слишком маленькой скорости.

У него рыжая щетина и огромные волосатые руки боксера.

Ты одного роста с ним и не можешь оторвать от него взгляд.

Я чувствую, как по спине течет пот, хотя вентилятор на этаже по-прежнему работает.

Он целует твою макушку прежде, чем сесть в машину.

Ты захлопываешь дверь машины, закрываясь от меня и от всего мира со своим комедиантом. Вы оба выглядите довольными.

Я запрокидываю голову, смотрю на вентилятор на потолке и мечтаю, чтобы он свалился мне на голову.

Кто-то за моей спиной говорит кому-то другому, что в принтере нужно заменить картридж.

Если мне чего-то и нужно, то это выпить.

Я закрываю глаза и представляю, что я умер. Представить это сложно, когда рядом с тобой переговариваются и мешают в кружке растворимый кофе.

Еще мне нужно сбежать отсюда как можно скорее. Смотреть на тебя с ним здесь, среди болтливых идиотов, сидя в офисе, который я ненавижу, невыносимо и мучительно.

Я наблюдаю за лопастями вентилятора и думаю о своем жизненном выборе. Пытаюсь понять, когда все пошло не так.

Ты по-прежнему улыбаешься с экрана — ему, а не мне. Я почти физически ощущаю, как его волосатые руки сжимают мое горло.

Это ведь я виноват в том, что попал сюда. Нашел где-то вакансию, отправил резюме и даже прошел собеседование. Женщи-
зиккурат спросила, почему я хочу работать именно в институте Со-
рокина. Я сказал, что из-за великолепных перспектив.

Вот и они.

Вкладка с презентацией по иностранным агентам все еще открыта, и от мысли о том, что на все это — утренние совещания, больничные, Гусько и доклады — я обрек себя сам, в желудке у меня что-то переворачивается, как при похмелье.

Твой статист заносчиво смотрит в объектив, трогаясь с места. Ты смотришь на него, продолжая разговаривать, и наверняка давно прекратила думать обо мне.

Я мог бы быть на его месте — сидеть за рулем в солнечных очках, второй рукой сжимая твои пальцы. Все могло бы быть по-другому, если бы в то дурацкое, жаркое лето, я бы не решил вернуться сюда и найти работу. Ты была не против, чтобы я и дальше жил за твой счет, писал песни и смотрел, как ты строишь карьеру. Когда я стал целыми днями пропадать в офисе и уделять тебе меньше времени, тебе это понравилось уже меньше.

Вентилятор крутится и не хочет падать, проламывая мне череп.

Я спрашиваю себя, сколько места ты занимаешь в жизни актера. Не думаю, что много. Наверное, ты смогла бы это простить и мне, будь я звездой рок-н-ролла.

Парень, сидящий за компьютером напротив меня, спрашивает, не найдется ли у меня корректор.

— Нет, — говорю я. — Не найдется.

Кажется, его зовут Влад, и он работает здесь с июня. Мне хочется спросить, мечтал ли он оказаться в институте Сорокина или просто тоже когда-то сделал неправильный выбор.

Вместо этого я закрываю презентацию и вкладку с твоими фотографиями. Выключаю компьютер и встаю с места.

— Ты куда? — спрашивает Влад.

— Отсюда, — говорю я. — Счастливо оставаться.

На улице все так же холодно, но я не останавливаюсь, чтобы застегнуть пальто. Снова собирается дождь, и я достаю телефон и заказываю еще один «Убер». Выбирая машину, я думаю о Gibson Les Paul Studio и увольнении из института, а еще о том, что у меня до сих пор есть твой номер.

